
ФИЛОЛОГИЯDOI: [10.17805/ggz.2021.2.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2021.2.5)**Бунин, Белый, Блок: юбилейный триптих — 2020***И. А. Иванюшкин**Российский национальный исследовательский
медицинский университет имени Н. И. Пирогова, г. Москва;
Институт философии РАН*

В статье освещаются факты биографий и творческого пути русских писателей Ивана Бунина, Андрея Белого и Александра Блока, юбилеи которых отмечались в 2020 г. Перечисляются основные их произведения. Автор говорит о значении литературного наследия этих писателей для осмысления Октябрьского переворота 1917 г. Статья содержит упоминание об адресах, связанных с их творчеством. Биографии Бунина, Белого и Блока раскрывается сквозь призму мемуарной прозы Бориса Зайцева. Автор говорит о значении Серебряного века, наступление которого знаменовало конец эпохи книжной культуры.

Ключевые слова: Иван Бунин; Андрей Белый; Александр Блок; Борис Зайцев; Серебряный век; юбилей

Bunin, Bely, Blok: Jubilee Triptych — 2020*I. A. Ivanyushkin**Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

The anniversaries of Ivan Bunin, Andrei Bely and Alexander Blok were celebrated in 2020. The creativity stages, biographical facts and main publications of these writers are described in the article. Their legacy is important in order to assess the October Revolution of 1917. The article contains some addresses associated with their creative works. The biographies of Bunin, Bely and Blok are revealed through the prism of biographical prose by Boris Zaytsev. The author highlights the significance of the Silver Age of Russian literature. Its advent was the end of the era of book culture.

Keywords: Ivan Bunin; Andrei Bely; Alexander Blok; Boris Zaytsev; Silver Age; anniversary

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня, когда книжная культура все больше обесценивается, а искусство обретает преимущественно визуальный язык и пробивается к человеку в виде вайбов, мы все равно обращаемся к наследию русских писателей. Дети изучают их произведения в школах. Пусть не книги, но имена классиков остаются с ними на всю жизнь. Золотой и Серебряный века русской литературы светят нам из прошлого. Вот я пишу эти скромные строки и понимаю, что написаны они не иначе, как языком, который достался нам от классиков русской литературы. Иван Бунин, Андрей Белый и Александр Блок были этими классиками. Верю, к их наследию русская культура будет возвращаться еще не одно десятилетие.

ИВАН БУНИН¹

22 октября 2020 г. исполнилось ровно 150 лет со дня, когда в 1870 г. в Воронеже родился великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин. Дом, где родился Бунин, стоит в Воронеже по сей день. Это дом № 3 по бывшей Большой Дворянской улице. Здесь прошли первые три года его жизни. «Но расти в городе мне не пришлось, — вспоминал писатель. — Страсть к клубу, к вину и картам заставила отца через три с половиной года возвратиться в Елецкий уезд, где он поселился на своем хуторе Бутырки. Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство...» (Бунин, 1988: 4). В этом отчасти разгадка творчества писателя, его талант сформировался в атмосфере тихой деревенской жизни. Мальчиком он смотрел на ее размеренный ход и быт, и это входило в душу. Пройдут годы и читатель найдет этот мир воплощенным в рассказах и стихах писателя. Об этом безмятежном состоянии детской души Бунин будет помнить даже в страшные, как он сам сказал, «окаянные» дни революции 1917–1918 гг. В его «Окаянных днях» мы можем прочесть такую фразу: «А “Деревня” вещь все-таки необыкновенная» (Бунин, 1990: 10). Это писатель, почти как А. С. Пушкин («Ай да Пушкин»), воздаст себе должное за написанную им повесть «Деревня».

Когда Ивану исполнилось одиннадцать лет, он поступил в гимназию в Ельце. Вышло так, что гимназии будущий нобелевский лауреат не окончил. В своей автобиографии Бунин пишет, что произошло это, потому что он заболел, стал нервен и влюбился. Слишком резким оказался переход от тихой, домашней жизни в деревне к почти казарменному режиму гимназии. Бунин

¹ В сокращенном виде этот раздел статьи планируется к публикации в день рождения писателя, 22 октября 2021 г., в интернет-газете «Взгляд».

оставил гимназию, не вернулся в классы с каникул. Дальнейшее его обучение проходило дома, в елецкой деревне Озерки, под руководством его старшего брата Юлия. «Дома я снова быстро окреп, сразу возмужал, развился, исполнился радостного ощущения все растущей молодости и сил, — вспоминал писатель. — Тут как раз на целых три года выслали к нам брата Юлия, уже кончившего университет и пробывшего год в тюрьме по политическим делам, и он прошел со мной весь гимназический курс, занимался со мной языками, читал мне начатки психологии, философии, общественных и естественных наук...» (Бунин, 1988: 8). В биографии великих писателей и философов таких фактов очень много. Будущий гений не вмещается в ранжир системы образования. Можно вспомнить, как однажды, обучаясь в кадетском корпусе, будущий столп русской религиозной философии Н. А. Бердяев получил единицу (при двенадцатибалльной системе оценок) по Закону Божьему (Бердяев, 1990: 21).

Первая публикация Бунина состоялась, когда ему было семнадцать. Как радовался он этому первому признанию! «В апреле 1887 года я отправил в петербургский еженедельный журнал “Родина” стихотворение, которое и появилось в одном из майских номеров. Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду», — вспоминает Бунин в автобиографии (Бунин, 1988: 9–10). По-настоящему Бунин вошел в литературу, когда ему было 25 лет. В 1895 г. он приезжает в Петербург и Москву, где знакомится с маститыми собратьями по перу: Чеховым, Бальмонтом, Брюсовым. В этом же году выходит его рассказ «На край света». Публикация встречает одобрение читателей и критиков. Через год, в 1896 г., в газете «Орловский вестник» выходит первое значительное произведение писателя — перевод поэмы Генри Лонгфелло «Песни о Гайавате». В 1903 г. за это произведение Бунин был удостоен Пушкинской премии, очень престижной литературной награды в дореволюционной России. Проблеме датировки этой работы Бунина В. Т. Шаламов посвятил отдельную статью (Шаламов, 2006).

Примерно в 1903 г. Бунин знакомится с писателем Борисом Константиновичем Зайцевым (Бунину — 33 года, а Зайцеву — 22). Так завязывается долгая, что называется «до гробовой доски», дружба писателей. Зайцев пережил своего друга-писателя почти на 20 лет и оставил о Буnine записки, исполненные чувства благодарности. «Можно ошибиться в годе, когда встретились, — вспоминает Зайцев. — Но не ошибешься в том, что была зима. Неопалимовский переулочек, звезды на ночном небе, огненно-сухая, снежная пыль из-под копыт “резвого”» (Зайцев, 1993а: 379). Из этого упоминания о Неопалимовском переулке нам становится ясно, что познакомились писатели в Москве. «Весело» и «молодо» — этими словами вспоминает Зайцев о литературных

встречах, на которых бывал Бунин (там же: 383). И это истинная правда, молодой Бунин был человеком большой жизненной энергии. «Силы жизни, жажды жизни много в нем было в те годы», — вспоминает Зайцев (там же).

4 ноября 1906 г. на квартире у Зайцева произошла счастливая встреча Бунина с Верой Николаевной Муромцевой, будущей женой писателя. Отношения с ней Бунину удастся зарегистрировать лишь в 1922 г., поскольку до 1920 г. он буден находится в официальном браке с его первой женой А. Н. Цакни. В первом случайном разговоре, завязавшемся у дверей квартиры Зайцева на Арбате, 25-летняя Вера Николаевна рассказала настойчивому в расспросах 36-летнему писателю, что занимается химией. «Ему нравилось, что мои пальцы обожжены кислотами», — вспоминала В. Н. Муромцева о их первых встречах (Муромцева-Бунина, 2006: 162). Бунин стал приходить в гости к Муромцевым, приглашать Веру Николаевну на собрания, где бывал сам. Так родился союз, длившийся 46 лет (с весны 1907 г. до смерти писателя в 1953 г.). Вместе с Муромцевой Бунин посетил Италию, Турцию, Грецию, Сирию, Палестину и Египет. Бунин видел развалины языческого Баальбека, могилу царя Давида, горницу Тайной Вечери, храм Гроба Господня, пирамиды Египта. В Александрии будущие супруги сели на корабль, идущий в Одессу. В 1909 г. Бунин и Муромцева впервые приехали на Капри, где с 1906 г. жил Максим Горький. На Капри Бунин много общается с Горьким (оба спасаются от холодного русского климата — у Бунина больные легкие, у Горького туберкулез). В 1910-х гг. выходит собрание сочинений писателя.

Бунин был ярким представителем литературной богемы Серебряного века, хоть и видел себя вне ее. Всю свою жизнь он только и делал, что размежевывался с собратьями-писателями. Делал он это резко. Эту его пристрастность в оценках коллег сегодня многие вспоминают. Трудно простить Бунину, например, оскорбительные слова о М. А. Кузмине (Бунин, 2006b: 217). Досталось от него и символистам. Притом, что в начале XX в. Бунин выступал на литературных вечерах вместе с Андреем Белым, Константином Бальмонтом, Федором Сологубом. Бунин не признавал литературного новаторства коллег, называл их декадентами. Из символистов отдавал должное лишь Александру Блоку, но, когда вышла в свет поэма «Двенадцать», записал в дневнике: «Поэту я этого не прощу» (цит. по: Трегубов, 2020a: 8). Позиция Бунина вполне ясна и объяснима — в большей или меньшей степени, но он признавал себя наследником Золотого века русской литературы. Здесь следует вспомнить его поездку к Л. Н. Толстому и дружбу с А. П. Чеховым. Вместе с Чеховым Бунин сокрушался над судьбой русской литературы:

— Вот умрет Толстой, все к черту пойдет! (реплика А. П. Чехова. — *И. И.*)

— Литература? (реплика И. А. Бунина. — *И. И.*)

— И литература (реплика А. П. Чехова. — *И. И.*).

(Бунин, 2006b: 130)

Бунину претила перестройка литературного языка в духе Андрея Белого, создание новых литературных форм и жанров. В его художественном восприятии «Двенадцать» — поэма, где поэт-дворянин дал волю дискурсу зарвавшегося хама, восставшего мужика. Этого Бунин не мог простить Блоку. Г. В. Адамович довольно справедливо считал, что Бунин завидовал Блоку как поэту (Адамович, 1994: 18). Бунин переживал драму революции с тайной надеждой на то, что однажды все вернется на круги своя, до последнего не покидал Одессу. Что сделает Бунин в эмиграции, когда будет вконец ясно, что мир его юности, прекрасный мир русской деревни, каким он открылся писателю в дореволюционные годы, погиб безвозвратно? Бунин воссоздаст этот мир в своих книгах. Именно в эмиграции, на чужбине, в оторванности от России были написаны Буниным особенно любимые мною книги «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи». То же самое сделает своим романом И. С. Шмелев, которому Бунин поможет в 1923 г. перебраться во Францию из советского Крыма. 20 лет будет работать Шмелев над «Летом Господнем». Этой книгой, также мною бесконечно любимой, он воскресит ушедший мир своего московского детства.

23 октября 1917 г. Бунин и Муромцева наконец покидают деревню. Далее находиться в деревне было опасно. В воспоминаниях Бунина, относящихся к апрелю 1917 г., можно найти такие строки:

В апреле прошлого года я был в имении моей двоюродной сестры в Орловской губернии и там мужики, запаливши однажды утром соседнюю усадьбу, хотели меня, прибежавшего на пожар, бросить в огонь, в горевший вместе с живой скотиной скотный двор: огромный пьяный солдат дезертир, бывший в толпе мужиков и баб возле этого пожара, стал орать, что это я зажег скотный двор, чтобы сгорела вся деревня, прилегавшая к усадьбе, и меня спасло только то, что я стал еще бешеной орать на этого мерзавца матерщиной, и он растерялся, а за ним растерялась и вся толпа, уже наседавшая на меня, и я, собрав все силы, чтобы не обернуться, вышел из толпы и ушел от нее.

(Бунин, 2006c: 146).

26 октября Бунин и Муромцева уже в Москве, приезжают на квартиру ее родителей. Здесь, в квартире № 2 дома № 26 по Поварской улице и было написано начало «Окаянных дней». Под этим названием мы сегодня знаем дневниковые записки Бунина, которые он начал делать с начала 1918 г., спустя два месяца после Октябрьского переворота. Вот как писатель вспоминает в

1919 г. первые дни утверждения большевистской власти в Москве: «А потом было третье ноября (1917 года по старому стилю. — *И. И.*). <...> Москва, целую неделю защищаемая горстью юнкеров... сдалась, смирилась. ...победители свободно овладели ею... водружали свой стяг над ее оплотом и святыней, над Кремлем. И не было дня во всей моей жизни страшнее этого дня, — видит Бог, воистину так!» (Бунин, 1990: 100–101). Следом в дневнике Бунин вспоминает, как всю неделю боев за Москву им пришлось провести «в четырех стенах, без воздуха, почти без сна и пищи, с забаррикадированными стенами и окнами...» (там же: 101). Несмотря на все меры, солдаты революции добрались до их убежища: «...три раза врываются, в поисках врагов и оружия, ватаги “борцов за светлое будущее”, совершенно шальных от победы, самогонки и архискотской ненависти, с... дикими взглядами, с тем балаганным излишеством всяческого оружия на себе, каковое освящено традициями всех “великих революций”» (там же).

Каждый, кто возьмет в руки этот дневник, сразу поймет, на какой стороне его автор. Бунин ненавидит революцию, презирает ее лидеров, обличает их кровавые преступления и бессмысленность декретов. Он предлагает читателю ряд метко подмеченных писательским глазом картинок из жизни после-революционной России. Бунин пишет:

...встретил в Мерзляковском старуху. Остановилась, оперлась на ко-
стыль дрожащими руками и заплакала:

— Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться?
Пропала Россия, на тринадцать лет, говорят, пропала!

(там же: 3)

Или вот еще слова его дневника:

Во дворе одного дома на Поварской солдат в кожаной куртке рубит
дрова. Прохожий мужик долго стоял и смотрел, потом покачал головой и го-
рестно сказал:

— Ах, так твою так! Ах, дезелтир, так твою так! Пропала Рассея!

(там же: 6)

Мерзляковский переулок, Поварская — все это координаты бунинской топономики. Бунин ходит по окрестностям и видит простых людей, не дворян, которые так же, как он, скорбят о том, что революция явилась истинной катастрофой и возврата к бывшему для России больше нет.

Поварская, д. 26 — это последний московский адрес писателя. Сегодня, в 2021 г., на стене дома висит мемориальная доска (установлена в 1993 г.), но

до сих пор и речи нет о музее. Три года назад мы были свидетелями скандала — эта однокомнатная квартира на первом этаже выставлялась как съемная. Отсюда Бунин, навсегда оставив дорогу ему Москву, уехал в начале июня 1918 г. в Одессу. Так начался его путь в эмиграцию. 6 февраля 1920 г. от одесского причала в направлении Константинополя отплыл пароход «Спарта». Бунин и его будущая супруга были на борту судна. Через год в Париже Бунин вспомнит, как навсегда покидал Россию. Зимой, в атмосфере ледяного холода.

Вот строки из его рассказа «Конец»:

...в городе не было ни одного огня, порт был пуст, — “Патрас” уходил последним. <...> Вскоре пошел мокрый снег, и я, насквозь промерзнув за долгое стояние на рубке, побежал вниз. Мы уже двигались, — все плыло подо мною... Потом шумно заklubилась вода из-под кормы... Прощай, Россия, бодро сказал я себе, сбегая по трапам. <...> И не раздеваясь... я нащупал нижнюю койку и... повалился на нее. Все ходило, качалось, дурманило. <...> В полусне, в забытии я что-то думал, что-то вспоминал... <...> Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?

(Бунин, 2006а: 187–192)

Бунин обыграл название реального парохода «Спарта», на котором покинул Россию. В рассказе пароход получил имя другого греческого топонима. «Patras» — именно так по-французски звучит название греческого города Патры.

В Константинополе Бунину и Муромцевой приходится ночевать в сарае на голой земле. Далее через Софию, Белград и Вену в конце марта 1920 г. они добираются до Франции. В Париже Бунин и Муромцева регистрируют брак, до конца дней их домом становится квартира в доме № 1 по улице Жака Оффенбаха. Для справки: Оффенбах был французским виолончелистом и композитором XIX в. Известно крылатое выражение «от Баха до Оффенбаха», которое часто повторял Д. Д. Шостакович. Сегодня обстановка парижского кабинета Бунина воспроизведена в музее писателя в Орле. В Париже Бунин, следуя европейской моде, сбривает бороду и усы. К виду безбородого супруга В. Н. Муромцева долго не могла привыкнуть (см.: Катаев, 1984: 435). В 1923 г., на третий год своей эмиграции, Бунин открывает для себя город Грас. Через год он снимает здесь виллу «Бельведер», сделавшуюся колыбелью всех его значительных книг, написанных в эмиграции. Здесь и были написаны

«Митина любовь», «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи». Сюда Бунин будет приезжать каждое лето, вплоть до конца Второй мировой войны — до 1945 г. Кто только не перебивал здесь у Бунина. Вот, как вспоминает виллу Б. К. Зайцев:

Мы гостили у Буниных — и довольно подолгу. Хорошие дни. Солнце, мир, красота. Во втором этаже жили мы с женой, я кое-что писал. Рядом комната Веры Буниной. Внизу, в кабинете своем, рядом со столовой, — Иван. Выбежит в столовую, когда завтракать уже садимся, худой, тонкий, изящный, с яростью на меня посмотрит, крикнет:

— Тридцать лет вижу у тебя каждый раз запятую перед *и*! Нет, невозможно!

(Зайцев, 1993b: 435; курсив источника. — *И. И.*).

С 1922 г. фамилия Бунина начинает фигурировать в списке претендентов на получение Нобелевской премии по литературе. Его соперниками по нобелевской номинации в разные годы становятся Горький, Мережковский, Шмелев и Бальмонт. Наконец, в 1933 г. Бунин становится первым русским писателем, получившим Нобелевскую премию. В. Н. Муромцева довольно подробно рассказывает в своих воспоминаниях о том, как счастливое известие достигло лауреата. 9 ноября, немного поработав, Бунин отправляется в синаматограф. Дома остается Вера Николаевна, которая и принимает первый звонок из Стокгольма. Счастливое известие настолько ошеломляет ее, что она подозревает розыгрыш. Не надеясь на свой слух, она при следующем звонке зовет подойти к телефону повара Жозефа. Сразу после первого звонка секретарь Бунина Л. Ф. Зуров бежит в кино — разыскивать лауреата. Без билета пробирается он к сидящему в зале Бунину и целует его со словами: «Поздравляю. Нобелевская премия ваша!..» (Муромцева-Бунина, 2006: 354–356). Вручение премии состоялось 10 декабря 1933 г. в Стокгольме. После церемонии Бунин передал медаль лауреата и папку с чеком на 170 тысяч шведских крон своему секретарю Андрею Седых. Тот уронил медаль на пол, которая покатилась через всю сцену, а о папке вообще забыл, она осталась лежать на столе. Какие-то добрые люди отыскали папку и возвратили Бунину.

Полученные нобелевские деньги (около 700 тыс. франков) очень скоро разошлись. Бунина атаквали авантюристы и попрошайки. Один из них предлагал писателю купить топор Петра Первого вместе с сертификатом подлинности. Обман был легко разоблачен. Вот одна из версий, как это было: «Понял! — Бунин расхохотался. — Это тот самый топор, которым Петр прорубил окно в Европу!» (Лавров, 2007: 192). Себе в убыток Бунин заключил договор с берлинским издательством Petropolis на публикацию полного собрания сочине-

ний за свой счет. Подписка на эти книги расходилась плохо. А через два года деньги кончились совсем — Бунин так и не смог купить виллу в Грасе, о которой мечтал (Авторский видеотур ... , 2021: Электронный ресурс). «...Нобелевскую премию к тому времени я уже проел — одна медаль золотая осталась...», — говорил позже Бунин К. М. Симонову (Симонов, 2006: 422). Значительная часть премии была потрачена писателем на благотворительность — содержание русских эмигрантов во Франции. Например, 5 тысяч франков были переданы Буниным А. И. Куприну. Как известно, Куприн в 1937 г. вернулся в Советскую Россию. Второй мировой войны Куприн не увидел — он прожил в СССР один год и умер 28 августа 1938 г. Быть может, то, что Советы пустили Куприна обратно, заставило Бунина позже, в мае 1941 г., писать А. Н. Толстому, чтобы тот ходатайствовал за его возвращение на родину перед Сталиным.

«Очень хочу домой», — пишет Бунин Н. Д. Телешову (цит. по: Бахрах, 2006: 502). 17 июня 1941 г. Толстой написал Сталину письмо, в котором относительно нейтрально передал просьбу Бунина вернуться. Однако возвращение не состоялось: 22 июня Германия напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. Спустя годы можно сказать уверенно: хорошо, что Бунин не вернулся в СССР. Здесь бы его постигла скорая гибель, подобная той, что принял от Советов философ Л. П. Карсавин. Вспомнили бы и «Окаянные дни», и дворянское происхождение. Лавры Нобелевского лауреата не спасли бы. До конца дней Бунин прожил апатридом — человеком без гражданства — он так и не принял подданство Франции, считая себя гражданином ушедшей в небытие Российской империи. Вопрос о гражданстве возник и при получении Нобелевской премии — накануне вручения Бунин отправил в Стокгольм телеграмму о том, что он — «refugié russe»² (Муромцева-Бунина, 2006: 354).

Сам писатель считал, что премию ему дали за книгу «Жизнь Арсеньева». В этом произведении писатель отразил многие события из своего детства и юности. Возьмите, кто не читал, в руки эту книгу. Уверен, вы ощутите то же, что и я — чувство первозданности бытия, которое дается человеку не когда-нибудь, а лишь в детстве и ранней юности. Хотя бы посмотрите фильмы: «Несрочная весна» 1989 г. или «Темные аллеи» 1991 г.

Бунин ушел из жизни в ночь с 7 на 8 ноября 1953 г. В день накануне смерти он читал своего любимого Л. Н. Толстого — роман «Воскресенье». Внезапно, посреди ночи, «в третьем часу» Бунин вскочил и «сел на постели с выражением... непередаваемого ужаса на лице... <...> Он что-то хотел сказать... дернулся всем своим... телом, и вдруг рот его странно разинулся,

² Русский изгнанник (фр.).

нижняя челюсть отвалилась...» (Катаев, 1984: 437). Эти воспоминания жены писателя о последних минутах его жизни были записаны В. П. Катаевым. Читать их грустно — автор не раз отвлекается, чтобы подчеркнуть, в каком запустении он нашел жилище Бунина и его хозяйку, рисует себя заправским франтом сошедшим в трущобы (там же: 432, 434).

«Окаянные дни» оказались зашифрованы в датах жизни и смерти Бунина (22 октября 1870 — 8 ноября 1953): 1870 — год рождения Ленина, 7–8 ноября — дни Октябрьского переворота, 1953 год — год смерти Сталина. Отпевали Бунина в храме Александра Невского на улице Дарю в Париже.

Если вы помните, Иван Бунин оставил Поварскую улицу летом 1918 г. Пройдет два года и на этой улице, правда, в другом ее конце, поселится следующий герой нашей статьи. В 1920–1921 гг. в доме, который Лев Толстой в романе «Война и мир» вывел как дом Наташи Ростовской (современный адрес: ул. Поварская, д. 55/52), будет жить Андрей Белый (Зайцев, 1993b: 363). Бунин, к слову, постоянно издевался над знаменитой фразой Андрея Белого, о которой речь ниже. Делал он это так: «Вам бы только запускать в небеса ананасом!» (цит. по: Бахрах, 2006: 404).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

26 октября 2020 г. исполнилось ровно 140 лет со дня, когда в 1880 г., в Москве родился великий русский писатель и поэт Андрей Белый. Судьбе было угодно, чтобы Иван Бунин и Андрей Белый родились с разницей в 10 лет и 4 дня. Если вы бывали в Москве, то точно проходили мимо и видели дом, где родился Борис Николаевич Бугаев (будущий поэт и писатель Андрей Белый). Дом этот стоит в самом конце Арбата, прямо напротив МИДа. Его современный адрес: Арбат, д. 55. Здесь, в доходном доме Н. И. Рахманова, в семье декана физико-математического факультета Московского университета Николая Васильевича Бугаева и родился писатель. Семья проживала в пятикомнатной квартире на третьем этаже. Сегодня тут устроен музей писателя. Не пожалейте как-нибудь времени и зайдите внутрь.

Здесь представлены личные вещи писателя, стоит рояль... Однако главный экспонат музея для очень многих людей — это балкон в гостиной семьи Бугаевых. Если выйти из гостиной на этот балкон, то вам откроется уникальная панорама. Вы увидите как сталинский монолит МИДа возвышается над двухэтажным зданием, в котором расположен сегодня «Макдональдс». Далее за этим зданием вы увидите известный всем Смоленский гастроном, бывший Торгсин, в котором резвились герои романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — Коровьев и Бегемот. Далее, за Смоленской-Сенной площадью, вы увидите диссонирующий с архитектурным ансамблем Москвы XIX в. прямоугольник бывшей гостиницы «Белград», построенной в 1973 г. Родившийся на

Арбате Андрей Белый, проживший здесь 26 лет (1880–1906 гг.), видел с этого балкона несколько иной пейзаж. Солнца, пространства и воздуха было больше. Простор не заслоняли градостроительные достижения нашего времени. Чем же ценен для нас этот балкон? Тем, что именно на этом балконе Борису Бугаеву написались строки, с которыми он ворвался в мир большой литературы.

Произошло это весной 1901 г. Позднее Андрей Белый вспоминал: «В одну из <...> майских ночей <...> я почувствовал сильное вдохновение: я выставил рабочий столик на балкон, поставил свечку и всю ночь напролет писал... я чувствовал определенно, как пером моим водит чья-то рука; никогда я не писал так безотчетно, как в эту ночь <...>» (Белый, 2017: 531). Так им была написана «Симфония (2-я, драматическая)». Создавалась она в атмосфере мистической, юношеской влюбленности. За два месяца до этого на симфоническом концерте писатель встретил свою музу. Маргарита Кирилловна Морозова, жена мецената М. А. Морозова, стала для Бориса Бугаева воплощением идеала вечной женственности (В. С. Соловьев и Ф. Ницше оказали на юношу огромное влияние). Встреча с Морозовой произошла в феврале 1901 г. Двадцатилетний писатель не решается на объяснение с предметом своей любви, замужней дамой. Он отсылает ей несколько писем с многозначительной подписью «Ваш рыцарь». Иногда встречается ее на прогулке по арбатским окрестностям. Будущий писатель Андрей Белый любит свой идеал издали и пишет свою «Симфонию...» (Белый, 2006).

Бугаевы живут на третьем этаже, а этажом ниже — семья М. С. Соловьева, сына известного всем историка С. М. Соловьева. Борис Бугаев дружит с сыном М. С. Соловьева. Тот младше Бориса на 5 лет и зовут его так же, как его знаменитого деда, Сергеем. В этой квартире на втором этаже в 1900 г. произошла короткая беседа Бориса Бугаева с братом хозяина квартиры, знаменитым философом В. С. Соловьевым. Соседи должны были слышать ссоры родителей будущего писателя Белого, в ходе которых, случалось, его отец швырял керосиновую лампу об пол (Ходасевич, 1997: 44). Именно Соловьевы становятся в 1902 г. первыми слушателями «Симфонии...». В ходе этих чтений глава семейства М. С. Соловьев придумывает псевдоним «Андрей Белый». Необходимость в псевдониме возникла в виду того, что отец Бориса, Н. В. Бугаев был серьезный академический ученый. Его фамилия стояла на учебнике арифметики и не должна была быть скомпрометирована легкомысленными литературными опытами. Через год, в 1903 г., и М. С. Соловьев, и его супруга уйдут из этого мира. Их сын Сергей войдет в культуру как поэт, а его образ будет выведен Андреем Белым в романе «Серебряный голубь».

В апреле 1902 г. «Симфония...» оказывается напечатанной издательством «Скорпион». Пройдет еще года два и М. К. Морозова купит в магазине

книжку незнакомого ей писателя Андрея Белого. С изумлением она обнаружит, что «Симфония...» написана тем же слогом, что и письма «ее рыцаря». Больше того, она узнает себя в одной из героинь, которую зовут «сказка»:

1. В гостиную вошла сказка мягкими, неслышными шагами.
2. У нее было светло-серое платье, и на нем были нашиты серебряно-бледные листья. В рыжих волосах горела бриллиантовая звезда.
3. Она ступала тихо и мягко, как бы пряча свое изящество в простоте.
4. Это был верх аристократической естественности.

(Белый, 2014: 74)

Кто сегодня, в 2021 г., так напишет о предмете своей влюбленности? Сочинив «Симфонию...», Андрей Белый изобрел новый жанр литературы. «Полулитература, полумузыка» — характеризует «Симфонию...» друг Андрея Белого писатель Борис Зайцев (Зайцев, 1993b: 354).

В 1904 г. вышел сборник стихов Андрея Белого «Золото в лазури». В них поэт воспел то самое солнце, которое видел со своего балкона каждый вечер закатывающимся за Смоленскую площадь. «Золото в лазури» сделало поэта еще более знаменитым. Б. К. Зайцев вспоминал: «Все газеты обошло двустороннее из “Золота в лазури”: Завопил низким басом, // В небеса запустил ананасом» (там же: 355).

Зайцев немного неточно цитирует стихотворение «На горах» — в оригинале у Белого стоит «Голосил // низким басом» (Белый, 1994: 68). Другое стихотворение, получившее название «Солнце», стало знаменитым ответом Андрея Белого собрату по перу Константину Бальмонту с его книгой стихов 1903 г. «Будем как солнце». 10 января 1904 г. произошла встреча Андрея Белого с Александром Блоком и его супругой, что послужило началом цепи драматических событий, о которых я намеренно не буду упоминать. Лишь к 1912 г. отношения двух главных символистов более-менее восстановятся (Трегубов, 2020b: 7). В 1909 г. Андрей Белый знакомится с Асей Тургеневой. Через год они уезжают длительное путешествие (Тунис, Египет, Палестина). В 1912 г. Белый и Тургенева живут в Брюсселе. Именно здесь он начинает писать роман «Петербург». Мрачная атмосфера Петербурга в романе имеет истоком переживания автора, которые он испытал, поднявшись на пирамиду Хеопса (Белый, 2018: 514). В том же 1912 г. Андрей Белый и Ася Тургенева знакомятся с отцом антропософии Рудольфом Штейнером, становятся его учениками и поселяются в швейцарском Дорнахе. В 1916 г. писатель был вынужден вернуться в Россию для прохождения военной службы. А. А. Тургенева осталась в Швейцарии.

В 1917 г. происходит революция. В это голодное время Белый живет в Москве, читает лекции в Пролеткульте (Ходасевич, 1997: 57–58). В 1921 г. Советы наконец отпускают Андрея Белого за границу, куда он рвется, мечтая о воссоединении с супругой. Мечтам сбыться не суждено — Ася Тургенева отвергает возможность восстановления их прежних отношений, они ссорятся (Спивак, 2015). Одновременно происходит разрыв Белого со Штейнером. Писатель живет в Берлине. В 1922 г. приходит известие о кончине матери. Все это ввергает поэта в глубокий духовный кризис. Выходом из него становится сближение Андрея Белого с К. Н. Васильевой, ставшей его второй женой. В 1923 г. вместе они возвращаются в СССР и поселяются в подмосковном Кучино. Здесь он начинает собирать листья в гербарии.

Все еще духовно подавленным приезжает Андрей Белый в 1924 г. в Коктебель. В Крыму он вновь обретает себя: загорает, бродит берегом моря, собирая камушки. Эти камушки писатель затем сортирует, составляет из них различные сочетания. Интересный факт: 13 августа 1926 г. в Москве писателя сбивает трамвай, он отделяется легкими травмами (Демин, 2007: 367). Андрей Белый приезжал в Коктебель еще дважды. Последний раз он приехал сюда летом 1933 г. Здесь поэта настиг солнечный удар. Помните, у И. А. Бунина есть рассказ с таким названием. Довольно известен одноименный фильм Н. С. Михалкова, снятый по этому рассказу. 16 июля 1933 г. врачи констатируют у Андрея Белого солнечный удар. Так стихия, которую поэт воспевал, лучами которой питался (стихотворение «Солнце»), его погубила. Слишком отдался стихии солнца поэт, сгорел. Через полгода, 8 января 1934 г., Андрея Белого не стало. Пророческими оказались строчки его стихотворения «Друзьям» из сборника стихов «Пепел» 1909 г.:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

(Белый, 1994: 194)

На его груди нашли образок Богоматери. Эту иконку повесила ему супруга его друга-писателя Б. К. Зайцева, когда в 1921 г. Андрей Белый уезжал за границу (Зайцев, 1993b: 365–366). 12 лет не снимал этот образ поэт, отдавший столько сил антропософии и оккультизму. Сегодня похожая иконка на цепочке хранится в собрании Мемориальной квартиры Андрея Белого на Арбате.

Но кем же был Андрей Белый с точки зрения философа? Не стану «изобретать велосипеда», а просто воспроизведу оценку писателя, которая мне

очень близка. Весною — летом 2017 г., в канун столетия Октябрьского переворота 1917 г., видный отечественный философ А. Л. Доброхотов выступал с циклом лекций под названием «Образ революции в русской культуре». Проходили они на Арбате в Доме А. Ф. Лосева, неподалеку от музея-квартиры Андрея Белого. Я был на лекции 15 июня 2017 г. Здесь А. Л. Доброхотов говорил о романах Белого «Серебряный голубь» (1909) и «Петербург» (1913) как о реакции писателя на революцию 1905 г. в России. «Это два новаторских романа, — говорил А. Л. Доброхотов (привожу его слова по возможности точно. — *И. И.*). — С них начинается авангардный роман не только в России, а вообще в Европе, как пишут в западных учебниках. Оба романа о революции, в центре каждого их них — мифологема революции. В центре романа “Серебряный голубь” — романтический герой Петр Дарьяльский, мыслящий молодой человек Серебряного века, который что-то ищет. Дарьяльский он еще и потому, что Дарьяльское ущелье — это ущелье, через которое Европа переходит в Азию. *Главная идея Белого и в «Серебряном голубе», и в «Петербурге» — вдруг что-то темное и страшное полезло в Россию!* Многие это чувствовали, но писатель и поэт Белый сказал об этом прямым текстом. Нам еще предстоит понять, что это такое. Мережковский считал, что это Грядущий хам вдруг проснулся. Кто-то решил, что приходит антихрист. У Белого своя версия: это приход Востока на Запад. Тема в высшей степени спорная».

В 1918 г. Белый написал поэму-мистерию «Христос воскрес». В ней можно отыскать крупинки поэтики революции, пышно развернутой Блоком в его поэме «Двенадцать». Вот строки из поэмы Белого:

Мелкий
Дождичек стрекочет
И твердит:
«Третий
Интернационал».
<...>
Браунинг
Красным хохотом
Разрывается в воздух, —

Тело окровавленного
Железнодорожника
Падает под грохотом.

(Белый, 1994: 441–442)

Поэма Белого исполнена смутных интуиций о том, что разворачивающаяся революция имеет космическое значение и все это — обновление для России и всего мира под знаком Воскресения Христа. Поэма начинается и заканчивается возгласом «Христос Воскрес!», что, конечно, роднит ее с поэмой Блока, в которой действие также венчается образом Христа³.

И все же содержательно, метафизически Андрей Белый не смог выразить стихию русской революции, как это сделал А. А. Блок. Однако Белый чуть раньше других почувствовал надвигающуюся катастрофу. Он был поэтом, медиатором, проводником многих стихий и страстей, уводящих от смысла. Об этом очень хорошо сказал его друг Б. К. Зайцев: утренние зори над Москвой обещали «и Белому и Блоку некие откровения, “раскрытия”. Все это оказалось призраком, мечтой, на церковном языке — “прелестью”. И оба оказались — по-разному — но вроде одаренных лжепророков» (Зайцев, 1993b: 354). Борис Зайцев отмечал склонность Андрея Белого раствориться в стихии, отдаться потоку: «...вообще всегда *им* что-то владело, а не *он* владел» (там же: 364; курсив источника. — *И. И.*). Похожую критику мы читаем у Н. А. Бердяева: «Андрей Белый, индивидуальность необыкновенно яркая, оригинальная и творческая, сам говорил про себя, что у него нет личности, нет “я”. Иногда казалось, что он этим гордился» (Бердяев, 1990: 140). И Б. К. Зайцев, и Н. А. Бердяев были дружны с Андреем Белым.

В 2015 г., к 135-летию со дня рождения поэта, возле дома-музея в Кучино был открыт памятник. Новые памятники всегда становятся мишенью для критики. У меня нет укоризн по поводу вида скульптуры, однако не удержусь задать вопрос: как можно было поставить фигуру «солнечного поэта» спиной на юг, прочь от солнца? 26 октября 2020 г., в день 140-летнего юбилея, группа исследователей из ИМЛИ им. А. М. Горького отметила это событие публикацией почти утерянного антропософского трактата Андрея Белого «История становления самосознающей души» (Белый, 2020ab). Два тома, вышедшие в серии «Литературное наследство», включают в себя расшифровку рукописи, чудесным образом обнаруженной в РГБ в 2006 г. Вместе с трактатом в двухтомнике опубликованы многие из историософских диаграмм Белого, которые он непрестанно рисовал (Андрей Белый — 140 ... , 2020: Электронный ресурс).

Разъяснением этих схем Андрей Белый донимал многих. Вот, как Б. К. Зайцев вспоминает одно из таких разъяснений, которое происходило в особняке Ф. Л. Соллогуба на Поварской, «доме Наташи Ростовской»:

Комната в книгах, рукописях — все в беспорядке, конечно. Почему-то стояла в ней и черная доска, как в классе. <...> Он на ней быстро расчертил

³ О сопоставлении этих поэм Блока и Белого см. у З. Н. Гиппиус (Гиппиус, 2002b: 36).

разные круги, спирали, завитушки. Мир, циклы истории поспешно располагались по волютам спирали. Он объяснял долго и вдохновенно... <...> Разумеется, понял я четверть, может быть — треть... <...>

— Видите? Нижняя точка спирали? Это мы с вами сейчас. Это нынешний момент революции. Ниже не спустится. Спираль идет кверху и вширь, нас выносит уже из ада на простор.

Спираль долго еще выносила Россию на простор...

(Зайцев, 1993b: 363–364)

Глядя на эти, без сомнения визуально завораживающие, наукообразные схемы развития человеческой культуры и истории с уверенностью можно сказать лишь одно. Андрей Белый верил в силу духа вместить в себя всю вселенную. Поэт дерзал изъяснить исторический процесс становления культуры с помощью аддитивной модели, в которой он, не смущаясь, смешивал различный в своей природе опыт: научный, оккультный, поэтический. Поэтому трактовка этой «солянки» с позиции любого из этих дискурсов невозможна. Слишком многое несочетаемое стремился сочетать поэт. Андрей Белый и сам признавал это, писал о «новой моде на скрещение нескрещаемого, соединение несоединяемого...» (Белый, 2017: 443). Ключ к объяснению остается навсегда с автором. Отношение Б. К. Зайцева, вежливо написавшего, что он понял треть — самое верное. Несводимые по природе дискурсы оказываются сводимы в опыте душевной болезни. Чертежи Белого хорошо вписываются в картину диагноза, называть который здесь не имеет смысла⁴. «Поэту настоящему спасибо, // руке его, безумию его...» — пел Б. Ш. Окуджава. В. Ф. Ходасевич пишет, что у Белого была мания преследования, а Эдипов комплекс выступал главной доминантой его творчества (Ходасевич, 1997: 56). Отдавая дань писательской интуиции Андрея Белого, Н. А. Бердяев считал природу его гениальности больной (Бердяев, 1993: 311). Поэтому пытаться прорваться к глубинному смыслу, глядя на антропософские чертежи Андрея Белого, — тщета. Его там просто нет. Как верно выразился В. Ф. Ходасевич, «...его квазиисторические романы в действительности суть фантастические...» (Ходасевич, 1997: 66).

В этом смысле мне вспоминается творивший уже в наше время, в 80-е гг. XX в., художник из Нью-Йорка Жан-Мишель Баския. Свои картины он писал под героинном, что имело предсказуемый финал — художник оставил мир в 27-летнем возрасте. Слова сказанные о Баския и его картинах можно всецело отнести к рисункам Андрея Белого: «Он обращался к большому числу людей,

⁴ Как сказал Карл Ясперс, «для понимания Ницше нет необходимости знать его *диагноз*...» (Ясперс, 2004: 173; курсив источника. — *И. И.*).

не имевших особых познаний в истории. Но они смотрели на его работы и они им нравились» (Jean Michel Basquiat ... , 2020: Электронный ресурс). Онтологического смысла временные диаграммы Андрея Белого не несут, но они бесспорно обладают эстетической ценностью. Должный выход этому творчеству в итоге был найден — некоторые из рисунков писателя были показаны в Музее современного искусства «Гараж» в 2020 г. (Самосознающая душа ... , б/д: Электронный ресурс).

Хочется закончить этот раздел на мажорной ноте. Посмотрите на фотографию Андрея Белого в молодости и прочитайте такое воспоминание Б. К. Зайцева:

Особенно глаза его запомнились — не просто голубые, а лазурно-эмалевые, «небесного» цвета («Золото в лазури»!), с густейшими великолепными ресницами, как опахала оттеняли они их. Худенький, тонкий, с большим лбом и вылетающим вперед подбородком, всегда закидывая немного назад голову, по Арбату он тоже будто не ходил, а «летал». Подлинно «Котик Летаев», в ореоле нежных светлых кудрей.

(Зайцев, 1993b: 354)

АЛЕКСАНДР БЛОК⁵

28 ноября 2020 г. исполнилось ровно 140 лет со дня, когда в Санкт-Петербурге, столице Российской империи, родился великий русский поэт Александр Александрович Блок.

Н. А. Бердяев называл Блока «самым замечательным русским поэтом». Вторым в этом списке у Бердяева был Есенин (Бердяев, 1931: 14). По сей день имя Блока прочно связано в нашей памяти с расцветом культуры в начале XX в. Мы говорим: «Блок», и подразумеваем весь Серебряный век, а не отдельное течение символизма, в рамках которого происходило соперничество Блока с Андреем Белым.

А. А. Блок всей душой принял революцию 1917 г. Воспел ее в знаменитой поэме «Двенадцать» и сам растворился в стихии, которая подарила ему последнее великое вдохновение. Блок стигнул в прорыве революции, которая «всегда пожирает своих детей». Перед самым концом, за полгода до смерти, он успел сказать свою знаменитую речь о А. С. Пушкине. Речь получила название «О назначении поэта». Впервые Блок прочитал ее в Петрограде со сцены Дома литераторов в день смерти Пушкина, 11 февраля 1921 г.

⁵ В сокращенном виде текст этой части статьи был опубликован в день юбилея поэта, 28 ноября 2020 г., в интернет-газете «Взгляд» (Иванюшкин, 2020: Электронный ресурс).

О том, как это было, В. Ф. Ходасевич вспоминал следующее: «Свое вдохновенное слово о Пушкине он читал последним. На нем был черный пиджак поверх белого свитера с высоким воротником. Весь жилистый и сухой, обветренным красноватым лицом он похож был на рыбака. Говорил глуховатым голосом, отрубая слова, засунув руки в карманы» (Ходасевич, 1997: 84).

О чем говорил Блок, прежде чем из зала раздались овации? У поэта есть три извечные задачи: услышать звук стихии, облечь этот звук в форму гармонии и выплеснуть получившийся результат в мир. Вдали от мирской суеты творит свое благородное дело поэт. Чернь не может понять высоких его устремлений, она старается поставить поэта на служение своим обыденным делам, например, делу образования. Но поэт не может позволить, чтобы чернь и чиновники от литературы похитили его покой и волю. Поэт — сын тайной свободы, каким был великий Пушкин! Таким видел назначение поэта уже смертельно больной Блок. В этой речи Блок, я убежден, оправдывался за поэму «Двенадцать». За то, что он, поэт, заговорил в стихах на языке той самой черни, революционной массы. Многие из коллег-писателей (например, А. М. Ремизов) восторгались свободой Блока, который позволил прозвучать голосу улицы в своей поэме. Но были и такие, как И. А. Бунин, который, по его собственному выражению, не мог простить Блоку такой поэмы (см. первый раздел статьи).

Поэма «Двенадцать» вызвала восторг, изумление. Как в среде интеллигенции, так и простого народа. Все эти Ваньки и Катьки из его поэмы носили Блока на руках за то, что он заговорил на их языке, выразил кровожадный дискурс революции, ее простую логику: «бурлит наш разум возмущенный», потому и идем убивать. Уважение к фигуре Блока в народной среде было огромным. Об одном таком примере повествует Ю. П. Анненков. В октябре 1919 г. на квартиру С. М. Алянского, в которой после дружеского вечера остался ночевать Блок, пожаловал комиссарский патруль. Фактически сбывлась язвительная фраза, которую записала в 1919 г. в своем дневнике З. Н. Гиппиус: «Блок, говорят... даже болен от страха, что к нему в кабинет вселят красноармейцев. Жаль, если не вселят. Ему бы следовало целых “12”» (Гиппиус, 2005: 53). Пусть не двенадцать, а человек пять, среди ночи вломилась в квартиру к спящей интеллигенции. Представители новой власти требовали проверки документов у представителей враждебного класса. Ю. П. Анненков писал:

Комиссар звенел и брякал всем своим существом. Топтались милиционеры.

— Не шумите, товарищи, — произнес Алянский, — там спит Александр Блок.

— Деталь! — ответил комиссар. — Который Блок, настоящий?

— Стопроцентный!

Комиссар осторожно заглянул в соседнюю комнату:

— Этот?

Алянский кивнул головой. Комиссар взял со стола звенящий портфель, смял его, привел к молчанию и шепнув Алянскому с улыбкой «хрен с вами!», вышел на цыпочках, уводя с собой милиционеров.

(Анненков, 1990: 77–78)

Очень возможно, что этот комиссар не читал «Двенадцати», но он слышал о Блоке, ее авторе!

Поэма «Двенадцать» была написана Блоком в двадцать дней, с 8 по 28 января 1918 г., и была напечатана в газете «Знамя труда» 3 марта 1918 г. Успех поэмы, кроме уважения у простого люда, принес Блоку массу хлопот. Поэт участвовал в многочисленных заседаниях, подтверждая «делом» свою славу поэта революции. Левиафан советского государства взял в оборот подпевавшего ему поэта. И все это на фоне лишений того времени. Б. К. Зайцев вспоминал: «Люди близкие передавали, что Блок в страшном упадке, что надорвано его здоровье, — он не пишет, окончательно во всем разуверился и едва жив. Надо сказать, что революция подорвала Блока сильно. Он таскал наверх дрова, дурно питался, холодал...» (Зайцев, 1993b: 348). Он еще чего-то писал, но все это была, как говорится, «такая проза!» Как написанный им в 1919 г. исторический очерк «Последние дни императорской власти». Так Блок перестал сочинять и заболел. Считается, что свое последнее стихотворение «Пушкинскому Дому» он написал в феврале 1921 г.

Болезнь изменила прежде мечтательный облик поэта. Это заметили все. Вот каким увидел Блока в последний раз В. Ф. Ходасевич: «...ясно и твердо помню, что страдание и отчужденность наполняли в тот вечер все его существо» (Ходасевич, 1997: 91). Сказано это о поэтическом вечере Блока в петроградском Малом академическом театре 1 марта 1921 г. Спустя два месяца, 1 мая Блок уезжает с выступлениями в Москву. На одном из них, в Доме Герцена на Тверском бульваре, присутствовал Б. К. Зайцев. Вот что он записал в память о том событии: «Мы позвали Блока, он вошел, все аплодировали. Но какой Блок! Что осталось в нем от прежнего пажа и юноши, поэта с отложным воротничком и белой шеей! Лицо землистое, стеклянные глаза, резко очерченные скулы, острый нос, тяжелая походка, и нескладная, угластая фигура» (Зайцев, 1993b: 349). Свою смерть поэт воспел еще в 1908 г., за 13 лет до того, как она пришла к нему:

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,

Закатом солнечным доволен

И вечной ночи не боюсь...

(Блок, 1955: 380)

А. М. Горький и А. В. Луначарский просили за Блока, но советская власть так и не выпустила за границу на лечение певца своей революции. 4 июня 1921 г. Блок писал матери: «Делать я ничего не могу, потому что температура редко нормальная, все болит, трудно дышать...» (Блок, 1963b: 539). Перед смертью, в забытии поэт был одержим идеей уничтожить все экземпляры поэмы «Двенадцать». Поэма не давала ему покоя до самого конца. Блок умер 7 августа 1921 г. в своей комнате по адресу ул. Декабристов, д. 57, кв. 23. Как говорит В. Ф. Ходасевич, «оттого что не мог больше жить. Он умер от смерти» (Ходасевич, 1997: 91). Через два дня, 9 августа, в газете «Известия» был напечатан некролог. Заголовком стояло взятое в траурный прямоугольник имя «А. А. Блок».

Автор некролога П. С. Коган писал:

Ушел в вечность последний трубадур «прекрасной дамы», запоздалый романтик, дорого заплативший за свой поздний приход в мир. <...> «Двенадцать» — самое волнующее и загадочное произведение, рожденное революцией... <...> Помню первый приезд Блока в Москву в мае прошлого года. Еще цветущий и бодрый, читающий свои стихи перед аудиторией, переполнившей залу Политехнического музея. И второй приезд в мае нынешнего года. Худой, измученный, озлобленный, без веры и надежды, с опустошенной душой. <...> Теперь его нет... Голубой цветок недолго мог вынести удары революционной бури.

(Коган, 1921: 1)

Друг Блока Ю. П. Анненков нарисовал посмертный его портрет. Увидевший этот рисунок Е. И. Замятин был совершенно ошеломлен, он написал: «...не портрет мертвого Блока, а портрет смерти вообще...» (Замятин, 2004: 172). Как известно, Блок был красив, но смерть не оставила почти ничего от былой красоты поэта.

10 августа 1921 г. Блок был похоронен на Смоленском кладбище города Петрограда. Гроб несли на руках. Был день празднования Смоленской иконы Божией Матери. А. А. Ахматова плакала, когда гроб спускали в могилу. Позднее она написала свои знаменитые строки:

Принесли мы Смоленской Заступнице,

Принесли Пресвятой Богородице

На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.

(Ахматова, 2000: 192)

Любовь Дмитриевна, супруга Блока, пережила его на 18 лет и оставила довольно откровенные мемуары об их отношениях (Блок Л., 1979). Не будет преувеличением сказать, что после смерти Блок оказался зачислен погубившей его властью в разряд литературных классиков. В 1936 г. вышло двенадцатитомное собрание сочинений поэта — оборот абсолютно невозможный для наследия, к примеру, С. А. Есенина или О. Э. Мандельштама в это время. Официальное признание со стороны властей обернулось для Блока еще одним унижением. В 1944 г. власти, по другому не назовешь, надругались над его прахом, когда могилы Блока, его деда, бабушки, матери и тетки были перенесены со Смоленского кладбища на Литераторские мостки Волкова кладбища. Могила Блока была вскрыта 26 сентября 1944 г. Почитатель и исследователь наследия Блока, филолог Д. Е. Максимов узнал о предстоящем событии от своего коллеги В. С. Спиридонова. Оба присутствовали при вскрытии могилы поэта. Максимов вспоминал:

Могила Блока была почти уже раскопана. Работавшие в яме могильщики снимали с гроба последний слой земли. И наконец лопаты стукнулись о гробовые доски. Это были именно доски — заскорузлые, черные, в которые превратился развалившийся от давления и сырости гроб. Я остро запомнил, что одна из них на дне ямы как-то странно приподымалась над другими — ее подпирал снизу череп Блока. ...Останки Блока вскоре были подняты на нижних донных досках... Чистая, простая, вечная сырая земля и чистые кости с еще сохранившимися лоскутами черной одежды... Я поднял череп Блока с еле различимыми следами очень коротких волос и с глазницами, наполненными землей. И вот... Глядя в бывшее лицо Блока, я смутился образом земли, набившейся в его бывшие глаза и начал (вполне бездумно!) очищать глазницы от их черного содержания.

— Не делайте этого! Это — прах, — остановил меня Спиридонов, и конечно, был трижды прав.

Я сразу это понял и опустил череп в железный ящик. «Это прах» — прозвучало на всю жизнь.

(Максимов, 1987: 65–66)

Так слова Блока о том, что однажды старуха нищая клюкою шевельнет его спокойный труп, оказались пророческими.

Следом Максимов описывает, как вскрывали могилы матери Блока, Александры Андреевны; его деда и бабушки, Андрея Николаевича и Елизаветы Григорьевны Бекетовых; его тетки, главного биографа Блока, Марии Андреевны Бекетовой. Прах поэта и его близких был отвезен на Волково кладбище и там перезахоронен в чужом склепе! Факт вопиющего цинизма и вероломства — останки семьи баронов Швахгейм, которые находились в склепе, были просто выброшены. Максимов верно замечает: не требуется изощренного воображения, чтобы представить себе, каким было бы отношение семьи Бекетовых к осквернению чужой могилы ради их погребения (там же).

Советская власть не поставила креста на могиле Блока, по сей день за оградой стоит языческий обелиск из черного камня с барельефным портретом поэта. Слева от обелиска три белых плиты — надгробия близких.

Дух поэзии Блока после «Стихов о прекрасной даме» был ницшеанским. Он воспевал красоту гибели, пророчествовал о новом, антихристианском идеале⁶. Б. К. Зайцев справедливо назвал Блока и Белого одаренными лжепророками (см. второй раздел статьи). Еще большим обличением звучат о Блоке и Белом слова З. Н. Гиппиус, написанные в мае 1918 г:

Никогда их не отыщет,
Двух потерянных — Христос.
(Гиппиус, 2002а: 452)

Блок не остался в долгу и написал о Гиппиус в начале июня 1918 г. такие строки:

Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек...
(Блок, 1955: 593)

«Без Христа» — должно всплывать ответом всякому, стоящему перед метафизической загадкой писаний Александра Блока и Андрея Белого. Трагическая судьба Блока выглядит возмездием и искуплением — слишком много было отдано им на служение стихии антигуманизма.

И все-таки Христос появляется. Писать статью о Блоке и не вспомнить о главной загадке поэмы «Двенадцать» нельзя. Как известно, в самом конце революционной поэмы, где все происходит со вздохом «без креста!»,

⁶ С. С. Аверинцев писал об этом так: «...нет ни малейшей возможности не учитывать антихристианской константы блоковского творчества... константа эта была более или менее ницшеанской» (Аверинцев и др., 2000: 191; подчеркивание источника. — *И. И.*).

неожиданно возникает фигура Христа. Причем не «Иисуса Христа», а «Исуса Христа» (так писали старообрядцы). Двадцать дней Блок пишет поэму, а в финале отчего-то добавляет к ней антитезис. «Пристегивает», как говорит Б. К. Зайцев (Зайцев, 1993b: 351). Сам не может понять, для чего. Поэма заканчивается строкой «Впереди — Исус Христос». Когда Блока спрашивали, он недоумевал и говорил: «...так мне привиделось. Я разъяснить не умею. Вижу так» (Аверинцев, 2000). Больше того, ему очень хотелось, чтобы с уходящим во мглу и пургу отрядом красногвардейцев шел не Христос, кто-то другой⁷. Очевидно, Антихрист. Иван Бунин считал, что Христос появился у Блока, потому что тот опомнился (Бунин, 2006с: 150). А Борис Зайцев думал по-другому — он полагал, что Христос у Блока вообще ненастоящий (Зайцев, 1993b: 351). В доказательство Зайцев приводит хорошо известные фразы из записной книжки Блока, имевшего в 1918 г. замысел написать кощунственную поэму о Христе (там же). Эти заметки Блока критикует и Бунин (Бунин, 2006с: 32–33). Появление Христа в конце поэмы вызвало логичное неприятие в стане большевиков. Горький считал «Двенадцать» злой сатирой на революцию. Прочитавший о Христе в конце поэмы Ленин сказал в духе свойственного ему позитивизма: «Непонятно» (см.: «Александр Блок. Я медленно сходил с ума» ... , 2020: Электронный ресурс). Загадку появления Христа у Блока силились разгадать «множество крупнейших поэтов и прозаиков, философов и литературоведов — от Г. Иванова до о. Павла Флоренского, от М. Пришвина до о. Сергия Булгакова, от Л. Гумилева до Б. Гаспарова и Г. Померанца» (Аверинцев и др., 2000: 190). Вспомним это место:

Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидím,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

(Блок, 1955: 587)

Рискну и я дать свою интерпретацию. Убежден, что Христос, появляющийся у Блока в снежной дымке с красным флагом, самый настоящий. Это Христос, выводящий грешников из адского плена. Поэтика красного флага может быть растолкована так: красногвардейцы видят весь мир через призму

⁷ Блок сделал об этом запись в дневнике 20 февраля 1918 г.: «...надо, чтобы шел Другой» (Блок, 1963а: 326).

кровавых событий революции. Говоря богословским языком, они — в прелести. Потому им все кажется вокруг красным. Даже та материя, которая развеивается на ветру в руках Христа. В действительности это белая хоругвь, а не красный флаг. Христос, появляющийся у Блока в конце «Двенадцати», — это Спаситель, который ведет русский народ по мытарствам его истории. Пройдет гражданская война, начнется Вторая мировая... Пройдет семьдесят лет и полотно в руках ведущего русский народ Спасителя побелеет. Народ возвратится к православным истокам. Убежден, такова семантика этой последней строчки поэмы.

Посмертная судьба Блока, несмотря ни на что, исполнена света. Тому есть явные и скрытые свидетельства. Вот одно из них. Надежда Павлович, последняя любовь Блока, была духовно раздавлена его смертью. Это привело ее в 1921 г. в Оптину пустынь, где она прожила два года, до закрытия монастыря в 1923 г. Здесь произошло ее духовное сближение со старцем Нектарием. Однажды в ответ на ее просьбу помолиться о упокоении души раба Божия Александра (она не сказала, что речь идет о поэте Блоке) старец Нектарий сказал: «Передай его матери, пусть она будет благонадежна. Александр в раю» (цит. по: Ильюнина, 2015: 34).

Из последних стихов, написанных Блоком, особо любима мною следующая строфа:

Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...
И всей весенней красотою
Сияет русская земля...

(Блок, 1960: 469)

Строки эти — воспоминание поэта о счастливой молодости, проведенной в Шахматове. Несмотря на это, читая их, я всегда представляю стоящий на безбрежном просторе храм Покрова на Нерли — самую красивую церковь земли русской.

В 2017 г. я был у могилы Блока на Литераторских мостках. Стоял конец марта, пели птицы. На могилах поэтов полагается читать стихи. У меня была с собою маленькая книжечка стихов Блока, которую я раскрыл тогда наугад. Вот начало стихотворения, которое тогда прозвучало:

Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

(Блок, 1968: 93)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С разницей в 10 лет судьба повелела родиться в 20-х числах октября таким разным писателям, Ивану Бунину и Андрею Белому. 2020-й — это еще и год 140-летия Александра Блока, родившегося на месяц позднее Андрея Белого. Наравне с Владимиром Маяковским это любимейший поэт моего отца. В 1957 г., в день 40-летия Великой Октябрьской революции, он, будучи семиклассником, читал с клубной сцены шахтерского поселка поэму «Двенадцать». Всю жизнь я слышал от него ее строки, это как-то просто вошло в меня. Поэтому Блок, несмотря на безнадежный пафос его поэтики, всегда был мне очень близок. Андрей Белый и Александр Блок — оба приняли революцию и много соперничали, а Иван Бунин язвил по поводу того и другого. Все это я пытался оставить за скобками статьи. Важно другое — Серебряный век был романтическим временем накануне катастрофы 1917 г., когда художественное слово стояло на незнакомой нашему современнику высоте. Писать так, как писали тогда, люди, к сожалению, не будут уже никогда. Человечество найдет какой-то другой синтез искусства, но в литературу для него уже нет возврата...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. и др. (2000) Финал «Двенадцати» — взгляд из 2000 года / С. С. Аверинцев, К. М. Азадовский, В. Ю. Александров, Н. А. Богомолов, Н. В. Котрелёв, А. В. Лавров, С. С. Лесневский, А. М. Эткинд, Д. М. Магомедова, И. И. Шкляревский // Знамя. № 11. С. 190–206.

Авторский видеотур Татьяны Марченко по выставке «Бунин. Эмиграция. Творчество» (2021) [Электронный ресурс] // YouTube. 2 января. URL: <https://youtu.be/D1LjitRJup0> (дата обращения: 10.01.2021).

Адамович, Г. В. (1994) Бунин. Воспоминания // Дальние берега: портреты писателей эмиграции : мемуары / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М. : Республика. 383 с. С. 10–27.

«Александр Блок. Я медленно сходил с ума» : документальный фильм (2020) [Электронный ресурс] // YouTube. 25 ноября. URL: <https://youtu.be/1ezUuzCquNE> (дата обращения: 23.11.2020).

Андрей Белый — 140. Конференция «Андрей Белый в изменяющемся мире» (Заседание 1) (2020) [Электронный ресурс] // YouTube. 26 октября. URL: <https://youtu.be/off2jThuQvo> (дата обращения: 09.02.2021).

Анненков, Ю. П. (1990) Дневник моих встреч : цикл трагедий. М. : Советский композитор. 344 с.

Ахматова, А. А. (2000) Собр. соч. : в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Королевой. М. : Эллис Лак. Т. 4: Книги стихов. 704 с.

Бахрах, А. В. (2006) Бунин в халате. Иван Алексеевич Бунин // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 14, дополнительный. 712 с. С. 360–518.

Белый, А. (1994) Собр. соч. Стихотворения и поэмы / сост., предисл. В. М. Пискунова ; коммент. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М. : Республика. [Т. 1]. 559 с.

Белый, А. (2006) «Ваш рыцарь»: письма к М. К. Морозовой. 1901–1928. М. : Прогресс-Плеяда. 293, [1] с.

Белый, А. (2014) Симфония (2-я, драматическая) // Белый А. Собр. соч. Симфонии / сост., послесл. и коммент. А. В. Лаврова. М. : Дмитрий Сечин. [Т. 10]. 450 с. С. 55–145.

Белый, А. (2017) Собр. соч. Проект проф. В. М. Пискунова (1925–2005). Начало века. Воспоминания / общ. ред., послесл. и коммент. А. В. Лаврова. М. : Дмитрий Сечин. [Т. 12]. 694 с.

Белый, А. (2018) Собр. соч. Проект проф. В. М. Пискунова (1925–2005). Между двух революций. Воспоминания / общ. ред., послесл. и коммент. А. В. Лаврова. М. : Дмитрий Сечин. [Т. 13]. 574 с.

Белый, А. (2020а) История становления самосознающей души : в 2 кн. / сост., подгот. изд., вступ. ст. М. Л. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь, при участии коллектива авторов. М. : ИМЛИ РАН. Кн. 1. 640 с. (Литературное наследство, т. 112).

Белый, А. (2020б) История становления самосознающей души : в 2 кн. / сост., подгот. изд., вступ. ст. М. Л. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь, при участии коллектива авторов. М. : ИМЛИ РАН. Кн. 2. 800 с. (Литературное наследство, т. 112).

Бердяев, Н. А. (1931) О самоубийстве. Психологический этюд. Paris : YMCA Press. 45 с.

Бердяев, Н. А. (1990) Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Международные отношения. 336 с.

Бердяев, Н. А. (1993) Астральный роман (Размышление по поводу романа А. Белого «Петербург») // Бердяев Н. А. О русских классиках : сб. / сост., коммент. А. С. Гришин ; вступ. ст. К. Г. Исупов. М. : Высшая школа. 368 с. С. 310–317.

Блок, А. А. (1955) Стихотворения. Л. : Советский писатель. XLVIII, 823 с.

Блок, А. А. (1960) Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит. Т. 3: Стихотворения и поэмы. 1907–1921. 714 с.

Блок, А. А. (1963а) Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит. Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921. 544 с.

Блок, А. А. (1963b) Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит. Т. 8: Письма. 1898–1921. 771 с.

Блок, А. А. (1968) Избранное. Горький : Волго-Вятское книжное изд-во. 184 с.

Блок, Л. Д. (1979) И были, и небылицы о Блоке и о себе. Vremen : Kafka-Press. 103 с.

Бунин, И. А. (1988) Автобиографическая заметка (Письмо к С. А. Венгерову) // Бунин И. А. Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда. Т. I. 477, [1] с. С. 3–16.

Бунин, И. А. (1990) Окаянные дни: свидетельства современника ; Под серпом и молотом / сост. Р. Д. Тименчик. Рига : Изд-во ЦК КП Латвии ; «Курсив» — коммерческий центр союза журналистов Латвии. 237 с.

Бунин, И. А. (2006a) Конец // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 4: Воды многие (1914–1926) ; Грамматика любви (1914–1926). 536 с. С. 185–192.

Бунин, И. А. (2006b) Освобождение Толстого // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 8: «Это самая наша Русь!» ; Любимые имена ; Из «Великого дурмана». Публицистика (избранное). 544 с. С. 15–153.

Бунин, И. А. (2006c) «Воспоминания» // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 9: «Воспоминания» ; «Дневник 1917–1918 гг.» ; «Дневники 1881–1953 гг.» ; «Первые литературные шаги» ; «Перед грозой». Интервью разных лет. 592 с. С. 5–185.

Гиппиус, З. Н. (2002a) Шел... (Белому и Блоку) // Гиппиус З. Н. Собр. соч. : в 15 т. М. : Русская книга. Т. 5: Чертова кукла: Романы. Стихотворения. 496 с. С. 451–452.

Гиппиус, З. Н. (2002b) Мой лунный друг. О Блоке // Гиппиус З. Н. Собр. соч. : в 15 т. М. : Русская книга. Т. 6: Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. 704 с. С. 5–40.

Гиппиус, З. Н. (2005) Дневники. 1919–1941 // Гиппиус З. Н. Собр. соч. : в 15 т. / сост., примеч., указ. имен Т. Ф. Прокопова. М. : Русская книга. Т. 9: Дневники 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников. 560 с. С. 3–278.

Демин, В. (2007) Андрей Белый. М. : Молодая гвардия. 413, [3] с.

Зайцев, Б. К. (1993a) Москва // Зайцев В. К. Соч. : в 3 т. / сост. и подгот. текста. Е. Воропаевой и А. Тархова ; коммент. Е. Воропаевой. М. : Художественная литература ; ТЕРРА. Т. 2. 585, [2] с. С. 343–506.

Зайцев, Б. К. (1993b) Далекое // Зайцев В. К. Соч. : в 3 т. / сост. и подгот. текста. Е. Воропаевой и А. Тархова ; коммент. Е. Воропаевой. М. : Художественная литература ; ТЕРРА. Т. 3. 571, [2] с. С. 342–482.

Замятин, Е. И. (2004) О синтетизме // Замятин Е. И. Собр. соч. : в 5 т. / сост., подгот. текста и коммент. С. С. Никоненко, А. Н. Тюрина. М. : Русская книга. Т. 3: Лица. 608 с. С. 164–172.

Иванюшкин, И. А. (2020) Певца революции убила поэма «Двенадцать» [Электронный ресурс] // Взгляд. 28 ноября. URL: <https://vz.ru/opinions/2020/11/28/1072065.html> [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 18.02.2021).

Ильюнина, Л. А. (2015) Оптина пустынь — обитель вдохновения. СПб. : Контраст. 87, [1] с.

Катаев, В. П. (1984) Трава забвения // Катаев В. П. Собр. соч. : в 10 т. М. : Художественная литература. Т. 6: Маленькая железная дверь в стене ; Святой колодец ; Трава забвенья ; Кубик. 533, [2] с. С. 243–444.

Коган, П. С. (1921) А. А. Блок (некролог) // Известия. № 174. 9 августа. С. 1.

Лавров, В. В. (2007) Грасские прогулки // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 16, дополнительный. 560 с. С. 167–416.

Максимов, Д. Е. (1987) Методіа о перенесении праха Ал. Блока // Литературное обозрение. № 5. С. 65–66.

Муромцева-Бунина, В. Н. (2006) Беседы с памятью // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 12: Письма И. А. Бунина 1901–1904 гг. ; Малоизвестное. Переписка И. А. Бунина с Архимандритом Киприаном (Керном) 1940–1948 гг. ; В. Н. Муромцева-Бунина «Беседы с памятью» ; Г. Н. Кузнецова «Грасский дневник». 640 с. С. 149–357.

Самосознающая душа, разрываема́я Люцифером и Ариманом. Антропологические рисунки Андрея Белого (б/д) / комм. подг. М. Спивак, Е. Глухова [Электронный ресурс] // Горький. URL: <https://gorky.media/context/samosoznayushhaya-dusha-razryvaemaya-lyutsiferom-i-arimanom/> [архивировано в [Wayback Machine](#)] (дата обращения: 18.02.2021).

Симонов, К. М. (2006) Об Иване Алексеевиче Бунине // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 6: «Темные аллеи». Книга рассказов (1938–1953) ; Рассказы последних лет (1931–1952) ; «Окаянные дни» (1935). 488 с. С. 417–430.

Спивак, М. Л. (2015) Белый-танцор и Белый-эвритмист // Андрей Белый. Автобиографизм и биографические практики : сб. статей / ред.-сост.: К. Кривеллер, М. Л. Спивак. СПб. : Нестор-История. 320 с. С. 116–162.

Трегубов, А. (2020а) Освобождая Бунина от ярлыков. Подлинная жизнь великого писателя / А. Трегубов, С. Н. Морозов // Московский комсомолец. № 28396. 22 октября. С. 8.

Трегубов, А. (2020b) Человек-скандал. Необыкновенная жизнь Андрея Белого / А. Трегубов, М. Л. Спивак // Московский комсомолец. № 28399. 26 октября. С. 7.

Ходасевич, В. Ф. (1997) Собр. соч. : в 4 т. М. : Согласие. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. 744 с.

Шаламов, В. Т. (2006) Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 7: Переводы. 512 с. С. 423–430.

Ясперс, К. (2004) Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб. : Владимир Даль. 628, [4] с.

Jean Michel Basquiat Documentary: The Radiant Child (Music Score by Adrock + Mike D) (2020) [Электронный ресурс] // YouTube. 27 июня. URL: <https://youtu.be/8HGe1H89wXE> (дата обращения: 18.02.2021).

Дата поступления: 24.02.2021 г.

REFERENCES

Averintsev, S. S. et al. (2000) Final «Dvenadtsati» — vzgliad iz 2000 goda [The finale of “The Twelve” — a view from 2000] / S. S. Averintsev, K. M. Azadovskii, V. Yu. Aleksandrov, N. A. Bogomolov, N. V. Kotrelev, A. V. Lavrov, S. S. Lesnevskii, A. M. Etkind, D. M. Magomedova and I. I. Shkliarevskii. *Znamia*, no. 11, pp. 190–206. (In Russ.).

Avtorskii videotur Tat'iany Marchenko po vystavke «Bunin. Emigratsiia. Tvorchestvo» [Tatyana Marchenko's original video tour at the exhibition “Bunin. Emigration. Creativity”]. (2021) *YouTube*, January 2. [online] Available at: <https://youtu.be/DILjitRJup0> (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

Adamovich, G. V. (1994) Bunin. Vospominaniia [Bunin. Memoirs]. In: *Dal'nie berega: portrety pisatelei emigratsii [Distant shores: Portraits of emigration writers]* : Memoirs / comp., foreword and comment. by V. Kreid. Moscow : Respublika Publ. 383 p. Pp. 10–27. (In Russ.).

«Aleksandr Blok. Ia medlenno skhodil s uma» [“Alexander Blok. I was slowly going crazy”] : A documentary (2020) *YouTube*, November 25. [online] Available at: <https://youtu.be/1ezUuzCquNE> (accessed 23.11.2020). (In Russ.).

Andrei Belyi — 140. Konferentsiia «Andrei Belyi v izmeniaiushchemsia mire» (Zasedanie 1) [Andrei Bely — 140. Conference “Andrei Bely in a Changing World” (Session 1)] (2020) *YouTube*, October 26. [online] Available at: <https://youtu.be/off2jThuQvo> (accessed 09.02.2021). (In Russ.).

Annenkov, Yu. P. (1990) *Dnevnik moikh vstrech [Diary of my meetings]* : A cycle of tragedies. Moscow : Sovetskii kompozitor Publ. 344 p. (In Russ.).

Akhmatova, A. A. (2000) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 6 vols. / comp., prepared and comment. by N. V. Koroleva. Moscow : Ellis Lak Publ. Vol. 4: *Knigi stikhov [Books of verses]*. 704 p. (In Russ.).

Bakhrakh, A. V. (2006) *Bunin v khalate. Ivan Alekseevich Bunin [Bunin in a dressing gown. Ivan Alekseevich Bunin]*. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow : Voskresen' e Publ. Vol. 14, supplementary. 712 p. Pp. 360–518. (In Russ.).

Bely, A. (1994) *Sobranie sochinenii. Stikhotvoreniia i poemy [Collected works. Verses and poems]* / comp., foreword by V. M. Piskunov ; comment. by S. I. Piskunova and V. M. Piskunov. Moscow : Respublika Publ. [Vol. 1]. 559 p. (In Russ.).

Bely, A. (2006) «*Vash rytsar'*»: *pis'ma k M. K. Morozovoi. 1901–1928 [“Your knight”: Letters to M. K. Morozova. 1901–1928]*. Moscow : Progress-Pleiada Publ. 293, [1] p. (In Russ.).

Bely, A. (2014) *Simfoniia (2-ia, dramaticheskaiia) [Symphony (The 2nd, dramatic)]*. In: Bely, A. *Sobranie sochinenii. Simfonii [Collected works. Symphonies]* / comp., afterword and comment. by A. V. Lavrov. Moscow : Dmitrii Sechin Publ. [Vol. 10]. 450 p. Pp. 55–145. (In Russ.).

Bely, A. (2017) *Sobranie sochinenii. Proekt prof. V. M. Piskunova (1925–2005). Nachalo veka. Vospominaniia [Collected works. Project of Prof. V. M. Piskunov (1925–2005). The early century. Memories]* / ed., afterword and comment. by A. V. Lavrov. Moscow : Dmitrii Sechin Publ. [Vol. 12]. 694 p. (In Russ.).

Bely, A. (2018) *Sobranie sochinenii. Proekt prof. V. M. Piskunova (1925–2005). Mezhdv dvukh revoliutsii. Vospominaniia [Collected works. Project of Prof. V. M. Piskunov (1925–2005). Between two revolutions. Memories]* / ed., afterword and comment. by A. V. Lavrov. Moscow : Dmitrii Sechin Publ. [Vol. 13]. 574 p. (In Russ.).

Bely, A. (2020a) *Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi [The history of the development of a self-conscious soul]* : in 2 books / comp., copy preparation and opening chapter by M. L. Odesskii, M. L. Spivak and H. Stahl, with participation of a team of authors. Moscow : Gorky Institute of World Literature, RAS. Book 1. 640 p. (Literaturnoe nasledstvo / Literary heritage, vol. 112). (In Russ.).

Bely, A. (2020b) *Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi [The history of the development of a self-conscious soul]* : in 2 books / comp., copy preparation and opening chapter by M. L. Odesskii, M. L. Spivak and H. Stahl, with participation of a team of authors. Moscow : Gorky Institute of World Literature, RAS. Book 2. 800 p. (Literaturnoe nasledstvo / Literary heritage, vol. 112). (In Russ.).

Berdyayev, N. A. (1931) *O samoubiistve. Psikhologicheskii etiud [On suicide. A psychological essay]*. Paris : YMCA Press. 45 p. (In Russ.).

Berdyayev, N. A. (1990) *Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-knowledge (An essay in autobiography)]*. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. 336 p. (In Russ.).

Berdyayev, N. A. (1993) Astral'nyi roman (Razmyshlenie po povodu romana A. Belogo «Peterburg») [An astral novel (Reflections regarding A. Bely's novel "Peterburg")]. In: Berdyayev, N. A. *O russkikh klassikakh [On Russian classics]* : A collection / comp., comm. by A. S. Grishin ; opening chapter by K. G. Isupov. Moscow : Vysshaya shkola Publ. 368 p. Pp. 310–317. (In Russ.).

Blok, A. A. (1955) *Stikhotvoreniia [Verses]*. Leningrad : Sovetskii pisatel' Publ. XLVIII, 823 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (1960) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 8 vols. Moscow ; Leningrad : State Publishing House of Fiction Literature. Vol. 3: Stikhotvoreniia i poemy. 1907–1921 [Verses and poems. 1907–1921]. 714 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (1963a) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 8 vols. Moscow ; Leningrad : State Publishing House of Fiction Literature. Vol. 7: Avtobiografiia. 1915. Dnevnik. 1901–1921 [Autobiography. 1915. Diaries. 1901–1921]. 544 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (1963b) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 8 vols. Moscow ; Leningrad : State Publishing House of Fiction Literature. Vol. 8: Pis'ma. 1898–1921 [Letters. 1898–1921]. 771 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (1968) *Izbrannoe [Selected works]*. Gorky : Volga-Vyatka Publishing House. 184 p. (In Russ.).

Blok, L. D. (1979) *I byli, i nebylitsy o Bloke i o sebe [Facts and myths about Blok and myself]*. Bremen : Kafka-Presse. 103 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1988) Avtobiograficheskaia zametka (Pis'mo k S. A. Vengerovu) [An autobiographical note (A letter to S. A. Vengerov)]. In: Bunin, I. A. *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 4 vols. Moscow : Pravda Publ. Vol. I. 477, [1] p. Pp. 3–16.

Bunin, I. A. (1990) *Okaiannye dni: svidetel'stva sovremennika ; Pod serpom i molotom [Cursed days: Evidences of a contemporary ; Under the sickle and hammer]* / comp. by R. D. Timenchik. Riga : Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of Latvia; "Kursiv" — Kommercheskii tsentr soiuzha zhurnalistov Latvii [Commercial Centre of the Union of Journalists of Latvia]. 237 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (2006a) Konets [The end]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow : Voskresen'ye Publ. Vol. 4: Vody mnogie (1914–1926) ; Grammatika liubvi (1914–1926) [Waters aplenty (1914–1926) ; Grammar of love (1914–1926)]. 536 p. Pp. 185–192. (In Russ.).

Bunin, I. A. (2006b) Osvobozhdenie Tolstogo [The liberation of Tolstoy]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow :

Voskresen'e Publ. Vol. 8: «Eto samaia nasha Rus'!» ; Liubimye imena ; Iz «Velikogo durmana». Publitsistika (izbrannoe) [“This is the very same our Rus'!” ; Favourite names ; From “The great dizziness”. Publicistic writings (selected)]. 544 p. Pp. 15–153. (In Russ.).

Bunin, I. A. (2006c) «Vospominaniia» [“Memoirs”]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow : Voskresen'e Publ. Vol. 9: «Vospominaniia» ; «Dnevnik 1917–1918 gg.» ; «Dnevniki 1881–1953 gg.» ; «Pervye literaturnye shagi» ; «Pered grozoi». Interv'iu raznykh let [“Memoirs” ; “Diary of 1917–1918” ; “Diaries of 1881–1953” ; “First steps in literature” ; “Before thunderstorm”. Interviews of different years]. 592 p. Pp. 5–185. (In Russ.).

Gippius, Z. N. (2002a) Shel... (Belomu i Bloku) [Was walking... (To Bely and Blok)]. In: Gippius, Z. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 15 vols. Moscow : Russkaia kniga Publ. Vol. 5: Chertova kukla: Romany. Stikhotvoreniia [The devil's doll: Novels. Verses]. 496 p. Pp. 451–452. (In Russ.).

Gippius, Z. N. (2002b) Moi lunnyi drug. O Bloke [My moon friend. On Blok]. In: Gippius, Z. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 15 vols. Moscow : Russkaia kniga Publ. Vol. 6: Zhivye litsa: Vospominaniia. Stikhotvoreniia [Live faces: Memoirs. Verses]. 704 p. Pp. 5–40. (In Russ.).

Gippius, Z. N. (2005) Dnevniki. 1919–1941 [Diaries. 1919–1941]. In: Gippius, Z. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 15 vols. / comp., notes, index by T. F. Prokopov. Moscow : Russkaia kniga Publ. Vol. 9: Dnevniki 1919–1941. Iz publitsistiki 1907–1917 gg. Vospominaniia sovremennikov [Diaries of 1919–1941. From socio-political works of 1907–1917. Memoirs of contemporaries]. 560 p. Pp. 3–278. (In Russ.).

Demin, V. (2007) *Andrei Belyi [Andrei Bely]*. Moscow : Molodaia gvardiia Publ. 413, [3] p. (In Russ.).

Zaytsev, B. K. (1993a) Moskva [Moscow]. In: Zaytsev, V. K. *Sochineniia [Works]* : in 3 vols. / comp. and copy preparation by E. Voropaeva and A. Tarkhov ; comment. by E. Voropaeva. Moscow : Khudozhestvennaia literatura Publ. ; TERRA Publ. Vol. 2. 585, [2] p. Pp. 343–506. (In Russ.).

Zaytsev, B. K. (1993b) Dalekoe [The distant]. In: Zaytsev, V. K. *Sochineniia [Works]* : in 3 vols. / comp. and copy preparation by E. Voropaeva and A. Tarkhov ; comment. by E. Voropaeva. Moscow : Khudozhestvennaia literatura Publ. ; TERRA Publ. Vol. 3. 571, [2] p. Pp. 342–482. (In Russ.).

Zamyatin, E. I. (2004) O sintetizme [On synthetism]. In: Zamyatin, E. I. *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 5 vols. / comp., copy preparation and comment. by S. S. Nikonenko and A. N. Tiurin. Moscow : Russkaia kniga Publ. Vol. 3: Litsa [Faces]. 608 p. Pp. 164–172. (In Russ.).

Ivanyushkin, I. A. (2020) Pevtsa revoliutsii ubila poema «Dvenadtsat'» [The singer of the revolution was killed by the poem “The Twelve”]. *Vzgliad*, November

28. [online] Available at: <https://vz.ru/opinions/2020/11/28/1072065.html> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 18.02.2021). (In Russ.).

Ilyunina, L. A. (2015) *Optina pustyn' — obitel' vdokhnoveniia [The Optina Pustyn — the abode of inspiration]*. St. Petersburg : Kontrast Publ. 87, [1] p. (In Russ.).

Kataev, V. P. (1984) Trava zabveniiia [The grass of oblivion]. In: Kataev, V. P. *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 10 vols. Moscow : Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 6: Malen'kaia zheleznaia dver' v stene ; Sviatoi kolodets ; Trava zabven'ia ; Kubik [The small iron door in the wall ; The holy well ; The grass of oblivion ; The cube]. 533, [2] p. Pp. 243–444. (In Russ.).

Kogan, P. S. (1921) A. A. Blok (nekrolog) [A. A. Blok (An obituary)]. *Izvestiia*, no. 174, August 9, pp. 1. (In Russ.).

Lavrov, V. V. (2007) Grasskie progulki [Strolls in Grasse]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow : Voskresen'e Publ. Vol. 16, supplementary. 560 p. Pp. 167–416. (In Russ.).

Maksimov, D. E. (1987) Memoria o perenesenii prakha Al. Bloka [Memoria about the transfer of the ashes of Alexander Blok]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 5, pp. 65–66. (In Russ.).

Muromtseva-Bunina, V. N. (2006) Besedy s pamiat'iu [Conversations with memory]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow : Voskresen'e Publ. Vol. 12: Pis'ma I. A. Bunina 1901–1904 gg. ; Maloizvestnoe. Perepiska I. A. Bunina s Arkhimandritom Kiprianom (Kernom) 1940–1948 gg. ; V. N. Muromtseva-Bunina «Besedy s pamiat'iu» ; G. N. Kuznetsova «Grasskii dnevnik» [Letters of I. A. Bunin, 1901–1904 ; Little known works. Correspondence of I. A. Bunin with the Archimandrite Cyprian (Kern), 1940–1948 ; V. N. Muromtseva-Bunina “Conversations with Memory” ; G. N. Kuznetsov “Grasse Diary”]. 640 p. Pp. 149–357. (In Russ.).

Samosoznaiushchaia dusha, razryvaemaia Liutsiferom i Arimanom. Antroposofskie risunki Andreia Belogo [A self-aware soul torn apart by Lucifer and Ariman. Andrei Bely's anthroposophical drawings] (s.d.) / comment. by M. Spivak, and E. Glukhova. *Gorky* [online] Available at: <https://gorky.media/context/samosoznayushhaya-dusha-razryvaemaya-lyutsiferom-i-arimanom/> [archived in [Wayback Machine](#)] (accessed 18.02.2021). (In Russ.).

Simonov, K. M. (2006) Ob Ivane Alekseeviche Bunine [On Ivan Alekseevich Bunin]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow : Voskresen'e Publ. Vol. 6: «Temnye allei». Kniga rasskazov (1938–1953) ; Rasskazy poslednikh let (1931–1952) ; «Okaiannye dni» (1935) [“Dark Avenues”. A book of short stories (1938–1953) ; Stories of recent years (1931–1952) ; “Cursed Days” (1935)]. 488 p. Pp. 417–430. (In Russ.).

Spivak, M. L. (2015) Belyi-tantsor i Belyi-evritmist [Bely the dancer and Bely the eurythmist]. In: *Andrei Belyi. Avtobiografizm i biograficheskie praktiki [Andrei Bely. Autobiographism and biographical practices]* : A collection of articles / ed. and comp. by K. Kriveller and M. L. Spivak. St. Petersburg : Nestor-Istoriia Publ. 320 p. Pp. 116–162. (In Russ.).

Tregubov, A. (2020a) Osvobozhdaia Bunina ot iarlykov. Podlinnaia zhizn' velikogo pisatel'ia [Freeing Bunin from labels. The true life of the great writer] / A. Tregubov and S. N. Morozov. *Moskovskii komsomolets*, no. 28396, October 22, p. 8. (In Russ.).

Tregubov, A. (2020b) Chelovek-skandal. Neobyknovennaia zhizn' Andreia Belogo [Man and hellraiser. The extraordinary life of Andrei Bely] / A. Tregubov and M. L. Spivak. *Moskovskii komsomolets*, no. 28399, October 26, p. 7. (In Russ.).

Khodasevich, V. F. (1997) *Sobranie sochinenii [Collected works]* : in 4 vols. Moscow : Soglasie Publ. Vol. 4: Nekropol'. Vospominaniia. Pis'ma [Necropolis. Memories. Letters]. 744 p. (In Russ.).

Shalamov, V. T. (2006) Rabota Bunina nad perevodom «Pesni o Gaiavate» [Bunin's work on the translation of "The Song of Hiawatha"]. In: Bunin, I. A. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 13 vols. Moscow : Voskresen'e Publ. Vol. 7: Perevody [Translations]. 512 p. Pp. 423–430. (In Russ.).

Jaspers, K. (2004) *Nitsshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniia [Nietzsche: An introduction to the understanding of his philosophical activity]*. St. Petersburg : Vladimir Dal' Publ. 628, [4] p. (In Russ.).

Jean Michel Basquiat Documentary: The Radiant Child (Music Score by Adrock + Mike D) (2020) *YouTube*, June 27. [online] Available at: <https://youtu.be/8HGe1H89wXE> (accessed 18.02.2021).

Submission date: 24.02.2021.

Иванюшкин Иван Александрович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры биоэтики лечебного факультета Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова; ассоциированный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Адрес: 117997, Россия, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1. Тел.: +7 (495) 434-66-54. Эл. адрес: ivan_ivanushkin@mail.ru

IVANYUSHKIN, Ivan Alexandrovich, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Bioethics, Faculty of Medicine, Pirogov Russian National Research Medical University; Associated Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Postal address: 1 Ostrovityanova St., 117997 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 434-66-54. E-mail: ivan_ivanushkin@mail.ru

ORCID: [0000-0001-8558-345X](https://orcid.org/0000-0001-8558-345X)

SPIN-код РИНЦ: [1603-6122](https://elibrary.ru/spin/1603-6122)

Для цитирования:

Иванюшкин И. А. Бунин, Белый, Блок: юбилейный триптих — 2020 [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 2. С. 77–111. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1446> (дата обращения: дд. мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2021.2.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2021.2.5)